

«О текущем моменте», № 1 (97), январь 2011 г.

«Десталинизация»: мёртвые души за работой...

Продолжение освещения проблематики, затронутой в ТМ-3 (96) в декабре 2010 г.

12 октября секретарь Союза журналистов РФ Михаил Александрович Федотов (юрист, «правозащитник», министр печати и информации РФ в 1992-1993 г.) указом президента РФ был назначен на должности советника президента РФ и председателя Совета при президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

СМИ задачу «десталинизации общественного сознания»¹, о которой М.А.Федотов высказался в одном из своих первых интервью после назначения на названные должности, возвели в ранг главной задачи, которую М.А.Федотов намеревается решить. Однако сам М.А.Федотов в интервью радиостанции «Вести ФМ» (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=399432>) опроверг такое воззрение, назвав главной задачей модернизацию российского общества, а «десталинизацию общественного сознания» поставил на третье место в перечне частных задач, в котором на первое место он поставил судебную реформу, а на второе — защиту детей. Тем не менее тему «десталинизации» СМИ прочно связали с его именем и предстоящей деятельностью Совета при президенте по правам человека, который М.А.Федотов возглавил.

21 декабря 2010 г. сайт Грани.ру сообщил:

«25 ноября Федотов заявил, что первое заседание президентского совета по правам человека в новом составе будет посвящено десталинизации. По словам Федотова, правозащитники потребуют полностью открыть советские архивы и провести суд над тоталитаризмом. Встреча президента Медведева с новым составом совета намечена на середину января.

По словам члена совета Сергея Караганова, слова «десталинизация» в повестке январского заседания не будет, тема заявлена шире — о национальном примирении и о памяти жертв тоталитарного режима. Общая тема обозначена для того, чтобы не сводить всё к культу личности генсека и подчеркнуть, что речь идёт о преодолении нацией пережитков прошлого, пояснил Караганов.

Президентский совет и правозащитный центр «Мемориал» разработали проект федеральной программы по увековечиванию памяти жертв репрессий, состоящей из 4 блоков. Первый — полное рассекречивание советских архивов. Предлагается снять гриф секретности со всех советских документов доперестроечного периода и упростить процедуру доступа к ведомственным архивам, следственным документам, архивам ЧК, ГПУ, ВКП(б), шифротелеграммам, попадавшим с мест в центральный аппарат, персональным делам граждан.

Второй блок программы касается мемориализации — поиска лагерных захоронений, установки памятников, создания полноценных музейных экспозиций. Третий блок — социальная защита пострадавших от репрессий. Их, по данным «Мемориала», около 800 000 человек — узников лагерей и их детей. По закону им полагается ежемесячная компенсация, но сейчас она поручена региональным властям. Правозащитники предлагают вернуть узникам федеральные гарантии выплат, а оставшимся в живых узникам лагерей (около 30 000 человек) размер выплат повысить и наделить их натуральными льготами — например, бесплатной медициной.

¹ Ставить так задачу — ЭТО путь к заведомой неудаче режима, в том числе и потому, что «общественное сознание» — одна из фикций «мраксизма», в природе не существующая, поскольку сознание — всегда индивидуально.

Четвёртое требование совета — дать политико-правовую оценку преступлениям тоталитаризма. Одним из вариантов может стать президентский указ с чётким перечнем преступлений и указанием на недопустимость прославления сталинизма¹.

Совет предлагает и судебное разбирательство преступлений режима. «Мы говорим даже не о преступлениях конкретных людей, — пояснил член совета Сергей Кривенко. — Надо оценить с правовой точки зрения блок нормативных документов: по коллективизации, по Катыни, по большому террору». **Вердикт по фактам истребления целых групп населения, считают в совете, должны вынести Верховный или Конституционный суд.**

В правительстве проект президентского совета оценивают осторожно. «Нельзя стирать историю страны. Один из наших приоритетов — борьба с попытками коверкать историю», заявил пресс-секретарь премьера Дмитрий Песков.

В 2009 году в День памяти жертв репрессий Дмитрий Медведев заявил, что оправдание сталинских репрессий под видом восстановления исторической справедливости недопустимо. Медведев отметил, что «никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь». «30 октября — это День памяти о миллионах искалеченных судеб. О людях, расстрелянных без суда и без следствия, о людях, отправленных в лагеря и ссылки, лишенных гражданских прав за «не тот» род занятий или за пресловутое «социальное происхождение». Клеймо врагов народа и их пособников легло тогда на целые семьи», — сказал президент.

«Невозможно представить себе размах террора, от которого пострадали все народы страны, — добавил он. — Его пик пришёлся на 1937-1938 годы. «Волгой народного горя» называл Александр Солженицын бесконечный «поток» репрессированных в то время. На протяжении двадцати предвоенных лет уничтожались целые слои и сословия нашего народа. Было практически ликвидировано казачество. «Раскулачено» и обескровлено крестьянство. Политическим преследованиям подверглись и интеллигенция, и рабочие, и военные. Подверглись преследованиям представители абсолютно всех религиозных конфессий».

«Мы много внимания уделяем борьбе с фальсификацией нашей истории. И почему-то зачастую считаем, что речь идет только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны. Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ», — заявил Медведев» <http://grani.ru/Society/History/m.184701.html>).

Таковы намерения на будущее буржуазно-либеральных общественности и государственных деятелей. Однако прежде чем обратиться к рассмотрению перспектив «десталинизации»,

¹ Это выражение намерения «правозащитников» подвигнуть президента на совершение ещё одного акта правового нигилизма, поскольку такой президентский указ противоречил бы ст. 13.2 Конституции РФ: Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Т.е., если такой указ издаётся, то прославлять А.Д.Сахарова и околосахаровскую массовку не возбраняется (а это определённая идеологема), а вспоминать достижения Советского народа под руководством И.В.Сталина и отдавать должное И.В.Сталину как руководителю и человеку — станет нарушением президентского указа со всеми вытекающими из этого факта юридическими последствиями.

По нашему мнению в социологии не может быть запретных тем и мнений, но заведомо ложные и ошибочные мнения должны изживаться самой социологической наукой и обществом. Пытаться сделать это путём законотворчества и осуществления правоприменительной практики — значит обрекать общество на рецидивы ошибок и заблуждений.

«Десталинизация»: мёртвые души за работой...

которая стала главной идеологической проблемой госвласти в постсоветской Россионии, обратимся к истории и литературе, чтобы понять дух политики: имперской ранее 1917 г., сталинской, росссионской наших дней.

В отечественной истории есть два литературных персонажа и одна историческая личность, социологические воззрения которых, будучи властными над теми или иными сегментами коллективного бессознательного, во многом определили события прошлого и определяют перспективы России в XXI. Это — великий инквизитор Ф.М.Достоевского, великий комбинатор Ильи Ильфа и Евгения Петрова и монах псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофей (годы жизни ориентировочно: 1465—1542), первый идеолог доктрины «Москва — третий Рим».

О великом инквизиторе Достоевского большинство слышало, но сюжета в подробностях не знает, а единичные интеллектуалы в своих исследованиях обращаются к этой теме чуть ли не со времён выхода в свет «Братьев Карамазовых». О великом комбинаторе знают практически все, но политических аналитиков и социальных философов он не интересует, хотя он — *кумир и образец для подражания миллионов*. А доктрина «Москва — третий Рим» вызывает интерес у некоторой части политиков и политической активной части населения всякий раз, когда альтернативные ей концепции при попытке их воплощения в жизнь в России заходят в тупик.

«Легенда о великом инквизиторе» включена Ф.М.Достоевским в роман «Братья Карамазовы». По её сюжету великий инквизитор обращается к взятому им под стражу Христу, снова *мирно* явившемуся во плоти среди народа Севильи в XVI веке:

«Реши же Сам, кто был прав: Ты или тот, который тогда вопрошал Тебя? Вспомни первый вопрос; хоть и не буквально, но смысл его тот: “Ты хочешь идти в мир и идёшь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирождённом бесчинстве своём, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, — ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой раскалённой пустыне? Обрати их в хлебы, и за Тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся им хлебы Твои”. Но Ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли, и сразится с Тобою, и победит Тебя, и все пойдут за ним, восклицая: “Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси!” Знаешь ли Ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. “Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!” — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой. На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но всё же Ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей, ибо к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своей башней! Они отыщут нас тогда опять под землёй, в катакомбах, скрывающихся (ибо мы будем вновь гонимы и мучимы), найдут нас и возопиют к нам: “Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали”. И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя Твое, и **солжём, что во имя Твое** (выделено нами при цитировании). О, никогда, никогда без нас они не накормят себя! Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: “Лучше поработите нас, но накормите нас”.

Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обещал им хлеб небесный, но, повторяю опять, может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагодарного людского племени с земным? И если за Тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станется с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать — так ужасно им станет под конец быть свободными! Но мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твое. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уже не пустим к себе. В обмане этом и будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать. Вот что значит этот первый вопрос в пустыне, и вот что Ты отверг во имя свободы, которую поставил выше всего. А между тем в вопросе этом заключалась великая тайна мира сего. Приняв “хлебы”, Ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как единоличного существа, так и целого человечества вместе — это: “пред кем преклониться?” Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться. Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение. Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе. Вот эта потребность общности преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков. Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга мечом. Они созидали богов и зывали друг к другу: “Бросьте ваших богов и придите поклониться нашим, не то смерть вам и богам вашим!” И так будет до скончания мира, даже и тогда, когда исчезнут в мире и боги: все равно падут пред идолами. Ты знал, Ты не мог не знать эту основную тайну природы человеческой, но Ты отверг единственное абсолютное знамя, которое предлагалось Тебе, чтобы заставить всех преклониться пред Тобою бесспорно, — знамя хлеба земного, и отверг во имя свободы и хлеба небесного. Взгляни же, что сделал Ты далее. И всё опять во имя свободы! Говорю Тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть. С хлебом Тебе давалось бесспорное знамя: дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба, но если в то же время кто-нибудь овладеет его совестью помимо Тебя — о, тогда он даже бросит хлеб Твой и пойдёт за тем, который обольстит его совесть. В этом Ты был прав. Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твёрдого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем

«Десталинизация»: мёртвые души за работой...

останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлебы. Это так, но что же вышло: вместо того, чтоб овладеть свободой людей, ты увеличил им её ещё больше! Или Ты забыл, что спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твёрдых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда — Ты взял всё, что есть необычайного, гадательного и неопределённого, взял всё, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе,— и это кто же: Тот, Который пришёл отдать за них жизнь Свою! Вместо того чтобы овладеть людской свободой, Ты умножил её и обременил её мучениями душевное царство человека веками. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошёл он за Тобою, прельщённый и пленённый Тобою. Вместо твёрдого древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою,— но неужели Ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и Твой образ и Твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора?»¹.

Позиция великого инквизитора понятна, житейски прагматична, поскольку характеристика, данная им человеку толпы — *адекватна, если забыть о способности людей к развитию*, но великий инквизитор не стал положительным героем русской литературы. Признавая трагичность сделанного им выбора и его последствий, все, кто обращался к этому сюжету, находили его социологические воззрения неприемлемыми и отдавали предпочтение свободе², которую однако не могли воплотить в жизнь по причинам, названным великим инквизитором.

В отличие от воззрений этого персонажа Ф.М.Достоевского воззрения монаха Филофея до настоящего времени привлекательны для многих политиков России. Квинтэссенция их выражена в Послании великому князю московскому Василию III, датированном 1530-1540 гг.³, к которому мы обратимся далее.

Восходящее к Филофею утверждение «Москва — третий Рим, четвёртому не бывать» в разных редакциях кочует из работы в работу, а само послание полностью мало кто читал, и уж практически никто не комментировал его во взаимосвязях с реальной политикой прошлого и современности. Некоторые публикации подают его как пророчество, которое в силу его якобы боговдохновенности просто не может не сбыться, забывая о том, что доктрина «Москва — третий Рим» уже дважды терпела крах в истории: первый раз, когда со смертью внука великого князя Василия III — царя Фёдора Иоанновича — пресеклась династия Рюриковичей, что дало начало смуте; второй раз, если вопреки истории считать Петербург воплощением «духа Москвы», — в 1917 г., когда рухнула Российская империя.

Некоторые аналитики убеждены в том, что возрождение СССР как великой державы, восполнившей политический вакуум в глобальной политике середины XX века после краха Российской империи, — следствие того, что И.В.Сталин, отказавшись от марксизма де-факто, негласно следовал доктрине «Москва — третий Рим». Соответственно определённая часть политического истеблишмента современной России, убедившись, что идеи буржуазного либерализма привели к национальной катастрофе и не обещают выхода из неё, возлагает свои надежды на возрождение России на эту же доктрину, не задумываясь о том, почему в прошлом она дважды приводила к национальным катастрофам.

¹ Ф.М.Достоевский «Братья Карамазовы», часть вторая, книга пятая, «Легенда о великом инквизиторе». Цитируется по публикации в интернете <http://www.pereplet.ru/misl/inkv.html> по ссылке, помещённой на сайте «Современная русская мысль»: <http://xray.sai.msu.ru/~lipunov/text/misl/misl.html>.

² См. в частности, работы на эту тему, которые можно найти в интернете:

В.В. Розанов. «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского».

Р.М. Кабо. «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского».

А. Мацейна. «Смятенное сердце».

³ Некоторые исследователи считают его подлогом, созданным в окружении митрополита Макария по мотивам сочинений Филофея.

Ответ на вопрос, почему следование доктрине «Рим» во всех её версиях (первого, второго и третьего Рима) приводит к катастрофе вне зависимости от географической локализации и этнической базы (в западном Средиземноморье, в Византии, на Руси, в средневековой священной Римской империи германской нации и в третьем рейхе XX века), можно получить, если обратиться к посланию Филофея в целом. Ответ проистекает из того, что социологические воззрения Филофея и великого инквизитора Ф.М.Достоевского по сути идентичны. Но на это обстоятельство в отечественной социальной философии обращать внимание не принято.

Филофей пишет:

«Так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь. И следует тебе, царь, это блюсти со страхом божьим, убойся Бога, давшего тебе это, не надейся на золото, и богатство, и славу: все это здесь собирается и здесь, на земле, остается. Вспомни, царь, того праведного, который, скипетр в руке и царский венец на своей голове нося, говорил: «Богатству, что притекает, не отдавайте сердца», и сказал премудрый Соломон: «Богатство и золото не в сокровищнице познается, но когда помогает нуждающимся»; апостол же Павел, ему следуя, говорит: «Корень всякому злу — сребролюбие», — и велит отказаться, не возлагать надежды и тем более сердца на него, но уповать на всё дающего Бога. Ибо вся твоя к Богу чистая вера и любовь — к божьим святым церквам... (...)

... наполни святые соборные церкви епископами, пусть не вдовствует святая божия церковь в твоё царствование! Не преступай, царь, завета, что положили твои прадеды, великий Константин, и блаженный святой Владимир, и великий богоизбранный Ярослав, и другие блаженные святые, того же корня, что и ты. Не обижай, царь, святых божьих церквей и честных монастырей, как данных Богу в наследство вечных благ на память последующим родам, на что и священный великий Пятый собор строжайший запрет наложил. (...)

И если хорошо урядишь своё царство — будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима, и как выше тебе написал, так и теперь говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится, по слову великого Богослова, а для христианской церкви сбудется блаженного Давида слово: «Вот покой мой во веки веков, здесь поселюсь, как пожелал я того»¹.

По сути предписания Филофея государю всея Руси возлагают на царя те же три обязанности, которые возложил на себя и великий инквизитор Ф.М.Достоевского:

- Осуществление госуправления, обеспечивающего производство и распределение «хлеба земного» так, чтобы все были более или менее обеспечены, и у большинства, которое готово работать на систему, не было причин для ропота и бунта (это подразумевают ссылки на Соломона и апостола Павла, обязывающие употреблять богатство для помощи обездоленным в силу разных причин).
- Поддержание социального порядка и, прежде всего, — «идейной убеждённости» населения в превосходстве именно этого порядка над альтернативными социальными организациями (об этом — всё, касающееся отношения государства к церкви, подразумевающее особую педагогическую миссию церкви в жизни общества).
- Подавление малочисленных одиночек, оспаривающих боговдохновенность этого порядка и противоборствующих ему эмоционально-бессознательно либо осознанно-мотивировано.

¹ Филофей. Послание великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде. (<http://old-ru.ru/07-19.html>).

«Десталинизация»: мёртвые души за работой...

При этом, в отличие от признания великого инквизитора, послание Филофея более лицемерно, поскольку подразумевает, что учение церкви это и есть учение Христа. И соответственно в послании замалчиваются и остаются без комментариев слова Христа, которые Филофей не мог не знать, и которые он обязан был соотнести с жизнью как таковой и изложить своё мнение о том, как эти заповеди Христа должны воплощаться в жизнь в православном обществе:

«25. Иисус же, подозревая их (своих учеников — наше пояснение по контексту), сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; 26. но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою; 27. и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Матфей, гл. 20).

В более общей терминологии без конкретики «князей», «ясновельможных панов» и прочих «величеств», «превосходительств» и «святейшеств» смысл этой заповеди Христа можно выразить так: «Вы знаете, что над народами властвуют осатаневшие “элиты”, но между вами да не будет так...». И Христос провозгласил альтернативу тому социальному порядку, которому были привержены и Филофей, и великий инквизитор Ф.М.Достоевского:

«Закон и пророки¹ до Иоанна²; с сего времени Царствие Божие благовестуется и всякий усилием входит в него» (Лука, 16:16). «Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его, и это всё (по контексту благоденствие земное для всех людей) приложится вам» (Матфей, 6:33). «Ибо говорю вам, если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Божие³» (Матфей, 5:20).

Но учение о становлении царствия Божиего на Земле усилиями самих людей в Божьем водительстве исторически сложившееся христианство во всех его ветвях почитает ересью⁴, вопреки однозначному смыслу молитвы «Отче наш»: «Да святится имя Твоё; да придёт Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе».

Эту же позицию, по сути солидарную с позицией великого инквизитора Ф.М.Достоевского, во время своего пастырского визита на Дальний Восток, при посещении Якутской и Ленской епархий, в очередной раз⁵ выразил и патриарх московский и всея Руси Кирилл (Владимир Михайлович Гундяев):

«Рая на земле построить невозможно. Задача людей заключается в том, чтобы не рай построить на земле, а чтобы человеческая жизнь не превращалась в ад» («Рая на земле построить невозможно». — Сайт «Русская народная линия», 24.09.2010: http://www.rusline.ru/news_rl/2010/9/24/patriarh_kirill_raya_na_zemle_postroit_nevozmozhno/).

¹ «Закон и пророки» во времена Христа — это то, что ныне называется «Ветхий завет».

² Иоанн Креститель, иначе — Иоанн Предтеча.

³ В каноне Нового завета вместо слов «Царство Божие» стоят слова «Царство Небесное» — цензоры и редакторы, конструируя вероучение под свои политические цели и задачи, постарались...

⁴ Её название — «миллиаризм» (на основе латыни) и «хилиазм» (на основе греческого). Оба названия происходят от слова «тысяча», поскольку «еретики» были убеждены в том, что Судному дню будет предшествовать тысячелетнее Царствие Божие на Земле.

⁵ Ещё в бытность митрополитом Смоленским и Калининградским, Кирилл посетил Иваново. В ходе этого визита, имевшего место в 2002 г., он высказал следующее мнение:

«Государство существует не для того, чтобы создавать на земле рай, а для того, чтобы на ней не было ада. Природа государства и церкви различна, но общее для них — стремление к ограничению зла. И если для достижения этой цели государство имеет право использовать силу, то церковь может убеждать только словом». По мнению митрополита Кирилла, церковь не должна вмешиваться в государственное управление, но в других сферах — культуры, образования, воспитания, здравоохранения, экологии и т. д. — между этими двумя институтами должно быть взаимодействие» («Ивановская речь Патриарха Кирилла»: http://religion-rodniki.ivplaneta.ru/index.php?p=news&news_id=5126&npage=5). На основе какой концепции должно быть организовано это взаимодействие, — Кирилл не сказал. Но при отказе от строительства Царствия Божиего на Земле усилиями людей в Божьем водительстве остаются две концепции: «великого инквизитора» («ограничение зла») и «великого комбинатора» (тоже «ограничения зла», но в несколько ином понимании).

Собственно в этом конфликте вероучений исторически сложившихся христианских церквей и изначального учения Христа и лежит ответ на вопрос, почему доктрина «Рим» — царство кесаря и инквизитора — неизбежно приводит уверовавшие в неё общества к катастрофе: не находит это поддержки Свыше и потому, исчерпав попущение, рушится.

А какое отношение имеет к этому «великий комбинатор» И.Ильфа и Е.Петрова? — «Великий комбинатор» — в обществе, живущем под властью «великого инквизитора», — помеха режиму и его реальная или потенциальная жертва. И потому «великий комбинатор» — антагонист «великого инквизитора» и один из претендентов на установление своего режима после того, как режим «великого инквизитора» внутренне разложится.

Дело в том, что устойчивость режима «великого инквизитора» обеспечивается 4 факторами:

1. Созидательным трудом подавляющего большинства населения под общим управлением великого инквизитора.
2. Преимуществами в потреблении произведённого и в *социально-статусном соотношении власти и безответственности перед ниже стоящими*, которые даёт продвижение вверх по социальной иерархии личностей.
3. Самодисциплиной высших иерархов, которые должны обеспечить эффективность труда и поддерживать некую меру распределения разного рода преимуществ по ступеням социальной иерархии, гарантирующую стабильность системы и поддержку её подавляющим большинством населения (при этом определённый аскетизм «великого инквизитора» даёт ему моральное право «драть» всех, кто находится ниже его в социальной иерархии, но потребляет больше, чем САМ «великий инквизитор»).
4. Подавлением антисистемных меньшинств, к числу которых принадлежит и сообщество «комбинаторов», и прежде всего — антисистемных представителей самой правящей «элиты».

Однако система несёт в себе причины её собственного краха, главная из которых — безответственность «высших» перед «низшими». Это ведёт к тому, что на каком-то этапе своего самовоспроизводства в преемственности поколений социально-статусные и потребительские преимущества представителей высших уровней иерархии перестают быть обусловленными их реальной управленческой компетентностью в отношении обеспечения эффективности труда, признаваемой обществом справедливости распределения производимого и подавления антисистемных факторов. Когда «элита» режима «великого инквизитора» утрачивает деловую компетентность и начинает жить для себя, изрядная доля общества чувствует свою обделённость (в том числе утрачивают доверие к государственной власти); а кроме того — ещё некоторая часть общества обретает убеждённость в том, что они тоже могут обеспечить своё благополучие за счёт чужого труда не хуже, чем это делает исторически сложившаяся «элита», которая своим паразитизмом подаёт пример для подражания всевозможному люмпену, с которым она постепенно становится идентичной в аспектах нравственности и этики.

Эта социальная группа завистников включает в себя подгруппу претендентов в «великие комбинаторы», которые характеризуются тем, что избегают грубого насилия и беззастенчивого воровства, т.е. «чтут уголовный кодекс», но изобретают «сравнительно честные способы отъёма денег и иных благ».

Когда режим «великого инквизитора» деградирует настолько, что может быть снесён, тогда **претенденты в «великие комбинаторы» подают себя остальному обществу в качестве борцов за свободу против тирании «великого инквизитора»**. И если общество не видит в них паразитов, от которых свободу необходимо защищать точно так же, как и от тирании «великого инквизитора», то воцаряется режим «великого комбинатора».

Однако, если в идеале режим «великого инквизитора» возлагает на всех *без исключения* обязанность трудиться на том или ином поприще, то режим «великого комбинатора» возлагает эту обязанность только на «лохов», признавая за теми, кто способен «комбинировать», право на «комбинации», не нарушающие законодательство, которое написано такими же «великими комбинаторами» от юриспруденции так, чтобы создать возможности для «комбинирования».

Отечественная интеллигенция со времён Ф.М.Достоевского пугала себя и остальное общество угрозой тирании режима «великого инквизитора». Но со времён Н.В.Гоголя,

«Десталинизация»: мёртвые души за работой...

предостерегающе показавшего *великого комбинатора П.И.Чичикова* во всей его красе, отечественным мыслителям не было дела до сути «великого комбинатора», и они не задумывались о том, каков будет его режим, если «великий комбинатор» обретёт монопольную власть над обществом.

Успех перестройки и реформ в духе идей буржуазного либерализма в том виде, в каком он стал достоянием истории, был возможен прежде всего потому, что в советском обществе Остап Бендер был культовым литературным персонажем, которому многие симпатизировали потому, что несли в своей психике черты его нрава и характера. Соответственно после того, как ханжески-идеологический контроль ЦК над нравами общества остался в прошлом, истинная нравственность населения стала выражаться беспрепятственно и памятники Остапу Бендеру появились во многих городах на территории бывшего СССР¹. Это означает, что проблема преодоления кризиса Русской многонациональной цивилизации по-прежнему в том, чтобы каждый изжил в себе и «великого комбинатора», и жертву его обмана:

«Большинство россиян считают, что современные мужчины этой страны чаще всего похожи на Остапа Бендера из кинофильма «Двенадцать стульев» в исполнении Андрея Миронова (так считают 24 % опрошенных), а женщины — на Катю Тихомирову из кинофильма «Москва слезам не верит» в исполнении Веры Алентовой (19 %), сообщает на своем официальном [сайте](#) Всероссийский центр изучения общественного мнения, опубликовавший итоги опроса.

Среди современников россиянам также часто встречаются прототипы Саши Белого из сериала "Бригада" (18 %), Афони из одноименного кинофильма (16 %)...» (http://www.newsru.com/cinema/29dec2010/kinogeroi_print.html).

Что такое режим «великого комбинатора» в чистом виде на практике, — показали «лихие 1990-е».

Режим «великого комбинатора» не гарантирует никому и ничего, поскольку даже на «самого великого комбинатора» неизбежно нападёт «ещё более великий комбинатор»² или он столкнётся с грубым насилием завистников, не способных к «благородному комбинированию»³, — это вопрос времени. И уж тем более те, кто своим трудом создаёт благосостояние общества, и на чьей жизни паразитируют «комбинаторы» разного ранга, под властью режима «великого комбинатора» лишены каких бы то ни было гарантий, кроме гарантии на нищету, поскольку они заняты делом и у них нет ни времени, ни сил на «комбинирование».

Поэтому с точки зрения простого труженика, живущего на одну зарплату, режим «великого инквизитора» предпочтительнее, поскольку он — при соблюдении определённых социальных норм, предписанных «великим инквизитором», — гарантирует основной статистической массе населения некоторое благополучие и рост благосостояния.

Претензия большинства к «великому инквизитору» может быть только в том, что он плохо поддерживает это качество жизни на основе четырёх выше названных факторов: 1) достаточно эффективное управление трудом в масштабах общества, 2) распределение благ *по справедливости в её исторически сложившемся понимании*, 3) самодисциплина и честность правящей «элиты» в русле концепции организации жизни общества, которой следует «великий

¹ В интернете можно найти сведения о памятниках О.Бендеру, установленных в Петербурге, в Одессе, в Пятигорске (был разрушен «вандалами» в марте 2010 г., но будет восстановлен), в Элисте (на проспекте имени Бендера), в Харькове, в Бердянске (родина лейтенанта Шмидта), в Жмеринке, в Старобельске Луганской области, в Екатеринбурге, обсуждался вопрос об установке памятника в Ташкенте. Кроме того именем Бендера названы теплоход и уйма ресторанов и кафе.

² Как О.И.Бендер напал на мирного подпольного советского миллионера А.И.Корейко.

³ Бендер столкнулся с этим в первый раз, когда Киса Воробьянинов попытался перерезать ему глотку, а во второй раз, когда румынские пограничники обобрали его при попытке перехода госграницы.

инквизитор», 4) подавление антисистемных меньшинств, к числу которых принадлежит сообщество «комбинаторов», и прежде всего — антисистемных элементов в самой «элите».

Это различие отношения труженика к режимам «великого инквизитора» и «великого комбинатора» объясняет безуспешность попыток «десталинизации» общества в прошлом и в настоящем. Хрущёв и К⁰ не смогли осуществить десталинизацию, поскольку, списав пороки режима на И.В.Сталина, сами не состоялись ни в качестве более эффективного «великого инквизитора», ни в качестве истинных освободителей. В брежневские времена КАМАЗы по дорогам страны шли с портретами И.В.Сталина на лобовых стёклах без какого-либо принуждения к этому водителей со стороны «тоталитарного» государства. В этом можно усмотреть простонародный намёк режиму, олицетворяемому Л.И.Брежневым, на то, что он не только не является демократическим, но даже плохо справляется с обязанностями «великого инквизитора». Попытка «десталинизации», которой дали начало М.С.Горбачёв и вербанутый ЦРУ-шниками А.Н.Яковлев, также не увенчалась успехом, но привела к замене режима неэффективного «великого инквизитора» режимом «великого комбинатора», об управленческой эффективности и общественной полезности которого вообще говорить не приходится. Очередная попытка «десталинизации», начатая в 2000-е гг., также не достигает успеха, и причина этого в том, что её осуществляют приверженцы режима «великого комбинатора», пытающиеся представить себя истинными свобододолюбцами¹.

В действительности свобода как свойство личности и «комбинаторство» как характер её деятельности несовместимы друг с другом: в русском языке слово «свобода» объективно является аббревиатурой — С-овестью ВО-дительство БО-гом ДА-нное. Но сам Ф.М.Достоевский понимал свободу как-то иначе, поэтому Христос Ф.М.Достоевского не нашёл возражений великому инквизитору. И соответственно склонность или хотя бы нравственная готовность индивида к «комбинаторству» лишает его свободы, а общество, в котором «комбинаторы» вольны делать, что захотят, «чтя уголовный кодекс», — не может быть свободным.

И потому телевизионная программа «Суд времени» Н.К.Сванидзе — показательный образчик «комбинаторства» в сфере изучения и формирования общественного мнения. 10.11.2010 в ней обсуждали тему индустриализации СССР, проведённой под руководством И.В.Сталина в 1930-е гг. Н.К.Сванидзе не вполне к месту вспомнил фрагмент из Иосифа Бродского: «ворюга мне милей, чем кровопийца»². Попререкавшись немного о точности цитирования И.А.Бродского, С.Э.Кургинян и Н.К.Сванидзе перешли к другому вопросу. Но ни одна из сторон (С.Э.Кургинян против Л.М.Млечина при управлении дискуссией Н.К.Сванидзе) не стала углубляться в рассмотрение вопроса о месте тезиса Бродского в реальной жизни.

На наш взгляд, для нравственно здорового человека ворюга не может быть МИЛЕЕ, чем кровопийца, поскольку и ворюга, и кровопийца поработаны пороком, а порок вызывает не умиление, а омерзение. Т.е. тезис «ворюга милей, чем кровопийца» — «оговорка по Фрейду», выражающая солидарность с ворюгами, в число которых входят и «великие комбинаторы». А принятие этого тезиса без возражений — такое же выражение солидарности с ворюгами, как и провозглашение самого тезиса.

Но для нас в данном случае важно не то, что все участники той программы, не возразив лирическому герою И.А.Бродского, признали по умолчанию свою солидарность с режимом «великого комбинатора»; для нас важно другое: с точки зрения ворюги — тот, кто карает ворьё и защищает трудящихся от разного рода паразитизма, тем более системно организованного паразитизма под властью режима «великого комбинатора»³, — тиран, деспот, кровопийца.

¹ Отсюда проистекает и попытка представить «свободолюбом» и комбинатора-неудачника М.Б.Ходорковского, и борьба буржуазно-либеральной общественности за его освобождение из тюрьмы.

² «И от Цезаря далеко, и от вьюги. / Лебезить не нужно, трусить, торопиться. / Говоришь, что все наместники — ворюги? / Но ворюга мне милей, чем кровопийца» (И.А.Бродский. Письма римскому другу (Из Марциала)).

³ Так же отметим, что в советские времена И.А.Бродский привлекался к уголовной ответственности по статье «тунеядство», т.е. — за уклонение от работы. А западная «демократия» — высокоцивилизованное царство «великого комбинатора», поэтому в этом царстве нобелевская премия по литературе И.А.Бродского — вполне заслужена. Но поскольку её присуждение обусловлено режимом «великого комбинатора», то не надо её абсолютизировать, возводя в ранг «всемирного признания таланта».

«Десталинизация»: мёртвые души за работой...

Однако тот, кто искореняет паразитизм, в том числе и подавляя паразитов, вовсе не обязательно — тиран, деспот, кровопийца, «великий инквизитор». Дело в том, что реальная демократия не сводится к выборным процедурам и соблюдению их периодичности: история знает множество тираний, которые получали мандаты на правление путём организации именно формально демократических процедур голосования по тем или иным вопросам. Реальная, а не формальная демократия — это прежде всего свобода (по крайней мере большинства) в ранее определённом смысле этого слова, а не только те или иные процедуры выдвижения народом своих представителей в органы власти. Поэтому главное её характеристическое свойство — **отзывчивость органов власти к чаяниям народа, находящая своё выражение в практической политике, а также — защита будущего народа от его же пороков, унаследованных от прошлого.** Отзывчивость чаяниям и защита будущего народа от пороков требует дисциплины в государственном аппарате, и соответственно — безжалостного устранения из госаппарата тех, кто нарушает эту дисциплину. Т.е. можно согласиться с мнением, высказанным Г.Я.Явлинским в одном из телеэфиров ещё в советские времена: *если я хочу, чтобы в обществе у меня была демократия, в государственном аппарате у меня должна быть диктатура.*

И при этом реальное народовластие должно решать те же задачи в отношении производства и распределения «хлеба земного», самозащиты системы и её самовоспроизводства в преемственности поколений, которые возложил на себя «великий инквизитор», хотя и на принципах иначе понимаемой справедливости.

Поэтому с точки зрения «комбинаторов» — тирания «великого инквизитора» и реальное народовластие неразличимы: и то, и другое для «великого комбинатора» — тирания, мешающая ему «свободно комбинировать». Но **для добросовестного труженика тирания «великого комбинатора», тирания «великого инквизитора», и деятельность, направленная на построение реального народовластия и обеспечение реальной свободы личности — три разницы.** И самая омерзительная тирания — тирания режима «великого комбинатора», представляющая себя как истинную демократию и свободу.

Поскольку и в условиях тирании режима «великого комбинатора» кто-то должен много трудиться, но обречён при этом на нищету, то «десталинизация», осуществляемая с нравственно-мировоззренческих позиций «великого комбинатора» никогда не сможет достичь успеха. Она может достичь успеха только в обществе, состоящем преимущественно из «комбинаторов», но такое общество не способно существовать потому, что его некому обеспечивать продуктами своего труда.

Перспективы «десталинизации», осуществляемой с нравственно-мировоззренческих позиций «великого комбинатора» усугубляются ещё и тем исторически объективным обстоятельством, что весь спектр деятельности возглавляемого И.В.Сталиным режима не укладывается в схему «режим великого инквизитора». Хотя инквизиторская составляющая в ней действительно присутствовала и имели место в том числе и массовые злоупотребления «инквизиторской властью», однако было и то, что было чуждо смыслу жизни «великого инквизитора» в том, виде как его выразил Ф.М.Достоевский.

Марксизм — политический проект, действительно отвечающей целям той миссии, которую возложил на себя великий инквизитор Ф.М.Достоевского, поскольку на основе философии, уводящей читателя от рассмотрения проблематики предсказуемости последствий того или иного жизненного выбора, общество не способно к самоуправлению и потому не может быть свободным. Кроме того, политэкономия марксизма основана на категориях, которым нет места в реальной хозяйственной деятельности общества. При наличии таких двух особенностей учение о социализме — всего лишь приманка в иначе организованное рабство, полностью соответствующее социологическим воззрениям великого инквизитора.

И если бы И.В.Сталин действительно был бы воплощением великого инквизитора Ф.М.Достоевского, то его собрание сочинений было бы содержательно иным: он бы не затрагивал в своих произведениях вопросы, подрывающие власть как режима «великого

инквизитора», так и режима «великого комбинатора», воплощением которого стал реальный капитализм на основе идей буржуазного либерализма.

В частности к числу прав личности в СССР относилось и право на труд, гарантированное как Конституциями страны 1936 и 1977 гг., так и практикой государственного управления народным хозяйством. Об этом праве и его роли в обеспечении свободы личности И.В.Сталин высказался ещё в 1936 г.:

«Мне трудно представить себе, какая может быть “личная свобода” у безработного, который ходит голодным и не находит применения своего труда. Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода» (из беседы с председателем газетного объединения Роем Говардом 1 марта 1936 г.).

При этом И.В.Сталин не сводил все права личности к обязанности трудиться, как это делают рабовладельцы, но полагал, что реальное осуществление свободы личности требует развития культуры общества, и соответственно, — развития личностей членов этого общества.

«Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития...» [Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. — М.: отд. изд., Государственное издательство политической литературы. 1952., с. 68, выделение текста курсивом наше].

Активная деятельность в общественном развитии — это властность. Предоставление всем членам общества возможностей получения образования, позволяющего властвовать ответственно за последствия принимаемых решений, есть расширение социальной базы управленческого корпуса до границ всего общества и ликвидация монополии на властность биологически вырождающихся «элитарных» кланов. Вследствие этого качественный состав людей, входящих во власть, в этих условиях может быть наилучшим по сравнению с кланово-«элитарной» системой управления.

То есть И.В.Сталин заботился об информационно-алгоритмическом обеспечении истинного народовластия и свободы, а не о проведении голосований в сумасшедшем доме, приведённом опекунами на выступление цирка политиканствующих клоунов, о чём в сущности и заботятся «великие комбинаторы» — борцы за «демократию» западного образца.

Сталинское понимание демократии исключает возможность безответственной тирании над голосующей невежественной толпой как со стороны режима «великого инквизитора», так и со стороны режима «великого комбинатора». Но гарантией становления такого общества может быть только интеллектуальная деятельность, для которой большинство населения просто не имело времени, будучи занятым в производстве большую часть периода бодрствования. Поэтому читаем дальше:

«Было бы неправильно думать, что можно добиться такого серьёзного культурного роста членов общества без серьёзных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно прежде всего сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов¹. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение,

¹ В СССР в тот период 6 дней недели были рабочими, т.е. речь идёт о переходе сначала к 36-часовой, а потом и к 30-часовой рабочей неделе. В этой связи напомним, что в 2010 г. Союз промышленников и предпринимателей РФ ставил вопрос о юридическом упрощении для предпринимателей введения 60-часовой рабочей недели на их предприятиях якобы по инициативе наёмных работников, которые пожелают трудиться по 60 часов в неделю.

«Десталинизация»: мёртвые души за работой...

необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно дальше коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше как путём прямого повышения денежной зарплаты, так и особенно путём дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления.

Таковы основные условия подготовки перехода к коммунизму» [Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. — М.: отд. изд., Государственное издательство политической литературы. 1952., с. 69].

Что касается политики планомерного снижения цен на продукцию массового потребления, то это — прямой акт «агрессии» против социальной базы режима «великого комбинатора»: в условиях систематического снижения цен скупка чего бы то ни было с целью последующей перепродажи по возросшим ценам становится невозможной.

Но кроме того И.В.Сталин мимоходом по сути упрекнул марксизм в метрологической несостоятельности его политэкономии, заявив: «... наше товарное производство коренным образом отличается от товарного производства при капитализме» [Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. — М.: отд. изд., Государственное издательство политической литературы. 1952., с. 18].

И после приведённой фразы И.В.Сталин продолжил:

«Более того, я думаю, что необходимо откинуть и некоторые другие понятия, взятые из «Капитала» Маркса, ... искусственно приклеиваемые к нашим социалистическим отношениям. Я имею в виду, между прочим, такие понятия, как «необходимый» и «прибавочный» труд, «необходимый» и «прибавочный» продукт, «необходимое» и «прибавочное» время. (...)

Я думаю, что наши экономисты должны покончить с этим несоответствием между старыми понятиями и новым положением вещей в нашей социалистической стране, заменив старые понятия новыми, соответствующими новому положению.

Мы могли терпеть это несоответствие до известного времени, но теперь пришло время, когда мы должны, наконец, ликвидировать это несоответствие» [Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. — М.: отд. изд., Государственное издательство политической литературы. 1952., с. 18, 19].

Все перечисленные И.В. Сталиным в приведённом фрагменте «Экономических проблем социализма в СССР» понятия — метрологически несостоятельны: т.е. за ними не стоит никаких явлений, параметры которых можно было бы измерить (выявить, разграничить) в реальных процессах хозяйственной деятельности; эти понятия — иллюзорно существующие фикции, а не абстракции, которые можно наполнить жизненным содержанием в решении практических задач.

Если выявляется метрологическая несостоятельность какой-либо теории, то это означает её научную несостоятельность. Это — смертный приговор марксизму, поскольку И.В. Сталин обличил метрологическую несостоятельность его политэкономии, и как следствие — несостоятельность его философии, продуктом которой, как учит марксизм, является его политэкономия. Если бы И.В.Сталин действительно был бы «великим инквизителем», то он никогда бы не написал того, что можно прочитать в «Экономических проблемах социализма в СССР».

Но ведь, кроме текстов была и реальная политика, выражающая смысл текстов практически.

Приведённое — знаки того, что И.В.Сталин, в исторически сложившихся условиях, приняв на себя миссию «великого инквизитора», в действительности вёл общество к реальным свободе и демократии. Именно по этой причине после устранения И.В.Сталина последующие

«великие инквизиторы» и «великие комбинаторы» изъяли изучение его произведений из программ обществоведческого образования и из свободного доступа библиотек и прекратили их переиздание.

Поэтому те, кто видит в И.В.Сталине в силу разных причин только воплощение «великого инквизитора», никогда не смогут осуществить «десталинизацию» в обществе, где достаточно много тех, кто не приемлет оба вида тирании, и видят в его деятельности составляющую, направленную как против тирании «великого инквизитора», так и против тирании «великого комбинатора», и считают эту составляющую не сопутствующим эффектом, от воли И.В.Сталина не зависящим, а главным смыслом его жизни и деятельности.

Соответственно утверждения о том, что И.В.Сталин якобы следовал концепции «Москва — третий Рим», сохраняя на словах верность марксизму, — не соответствуют исторической действительности.

Концепция жизни Римской цивилизации во всех её исторически известных версиях (Рим, Византия, Москва — третий Рим, Германия — третий рейх и т.п.) — рабовладельческая концепция, по какой причине она ничего общего не имеет с учением Христа и потому не поддерживается Свыше. Поэтому следует одуматься, развивать и воплощать в жизнь альтернативу тираниям «великого инквизитора» и «великого комбинатора»: не надо наступать на те же «грабли» многократно.

Однако режим «великого комбинатора», проявляя замашки «великого инквизитора» без должной для успеха самодисциплины, решил следовать концепции «Москва — третий Рим» и для этого «десталинизировать общественное сознание». Есть и подстрекатели к этому. Так, один из них — Марк Семёнович Солонин, автор ряда книг по истории и предъистории второй мировой войны XX века. Приведём фрагмент из его интервью сайту «Свободная пресса», опубликованном под заглавием «В 2011-м Медведев приравняет Сталина к Гитлеру?»:

«СП»: — Какая, на ваш взгляд, главная проблема «десталинизации»?

— Без оговорок, без экивоков («с одной стороны», «с другой стороны») безусловное признание Сталина создателем и главарем антинародной тоталитарной диктатуры. Диктатуры преступной, совершившей бесчисленные и ужасные по своей жестокости массовые преступления против русского народа, против других народов СССР, совершившей столь же жестокие преступления против народов других стран мира. Эти бесспорные, с точки зрения исторической науки, факты должны быть, наконец, на государственном уровне признаны. Я считаю уместным и правильным, ничуть не противоречащим нашей Конституции, если будет установлена уголовная ответственность за публичное восхваление, публичную апологетику этого преступного режима, его руководителя Иосифа Сталина, и его приспешников. Нам нужен тот же самый механизм, который был запущен в Германии, во времена послевоенного разгрома гитлеровского режима. С той лишь разницей, что в нашем случае виновные уже ушли от суда земного, и мы не можем повторить Нюрнбергский процесс — вешать некого. Но, повторюсь, режим Сталина должен быть определён как агрессивный и преступный, ничуть не лучший, чем фашистский режим Гитлера» (<http://svpressa.ru/politic/article/36526/>).

В ходе интервью Марк Семёнович — «типичный русский патриот» — рассуждал об Истории как о культурном феномене¹:

«История существует в трёх формах, в трёх, простите за высокопарное слово, ипостасях. История как научное исследование, история как государственная пропаганда и история как народный миф. Это формула не моя, но она мне представляется вполне адекватной. Важно то, что эти «три ипостаси» мало где пересекаются. Научные исследования

¹ Т.е. не об историческом процессе как таковом, а об отображении этого процесса в культуре и в психике людей.

«Десталинизация»: мёртвые души за работой...

существуют в виде некоторой совокупности людей, которые сидят в библиотеках и архивах, думают и пишут тексты, которые затем издаются тиражом 500 экземпляров. Государственная пропаганда — это телевидение, радио, газеты, фильмы... Очень важный компонент здесь — государственная программа истории для средней школы: признанные государством пригодными школьные учебники, система подготовки школьных учителей. Государственная пропаганда лишь иногда, сильно уродуя, выхватывает кое-что из сделанного в рамках научного исследования.

А народный миф — это огромная, трудноуправляемая, иррациональная сфера. Разумеется, государственная пропаганда очень хочет влиять на народный миф, но у нее это не всегда получается: миф живет по своим сложным законам. А вот мостика, соединяющего научные исследования и народный миф, просто не существует.

Если взять за основу такую схему, то достаточно ясно, что нужно делать для «десталинизации». Нужно использовать огромные организационные, технические, информационные ресурсы государства для того, чтобы соединить научные знания, которые формируются в области исторической науки, с народным сознанием. Проще говоря, нужно использовать огромные возможности современных СМИ для широкомасштабного исторического ликбеза» (там же).

Мы тоже имеем некоторые представления об Истории — и как о явлении, и как о культурном феномене. Прежде всего необходимо возразить: история как культурный феномен существует не в трёх ипостасях, названных этим типично «русским патриотом», а в четырёх: 1) наука, 2) госпропаганда (включая школьный курс истории), 3) народный миф и четвёртая компонента — глубинно-психологическая бессознательная память общества.

Последняя выражается в том, что как ты с помощью двух не наседай на третью, то даже после того, как удастся модифицировать народный миф желательным для политиков образом, — в четвёртой компоненте останется и память о реальном историческом прошлом, которое свершилось до смены мифа, и память о том, кто и как с помощью первого и второго ломал третье.

Обстоятельно об этом см. работу ВП СССР «“Сад” растёт сам?..», где на примере Европы и США показано, что уничтожить четвёртую компоненту — невозможно, а чтобы нейтрализовать её воздействие на некоторое исторически продолжительное время, — необходимо уничтожить народ — её носитель.

В жизни России это выражается, в частности, в том, что те люди, которые с удовольствием читают и перечитывают исторически недостоверные произведения А.Дюма про трёх мушкетёров, не читают или после первого прочтения забывают повесть А.К.Толстого «Князь Серебряный», посвящённую событиям эпохи Ивана Грозного, написанную хорошим литературным языком и в общем соответствующую представлениям официальной исторической науки, сложившимся ко времени её написания. Причина такого различия в отношении к литературным произведениям в том, что до истории Франции и недостоверности её отображения в произведениях А.Дюма — русскому читателю нет никакого дела; а вот историческая недостоверность «Князя Серебряного» — это то, что затрагивает какие-то глубины психики русского читателя, они отвергают эту недостоверность и, как следствие, — повесть не вызывает желания прочитать её повторно и забывается.

Поэтому «десталинизация» по рецепту «истинно русского патриота» М.С.Солонина невозможна, поскольку не предполагает воздействия на четвёртую компоненту; а в случае попытки нейтрализации четвёртой компоненты, следует понимать «десталинизация» = геноцид в отношении изрядной доли населения РФ (типичные итоги голосования телезрителей в программах «Суд времени»: 94 % — за Сталина, 6 % — против).

Кроме того, и в пределах трёх компонент рецепта «типично русского патриота» М.С.Солонина — не ведут к достижению гарантированного результата. Марк Семёнович этого

не понимает по причине слабоумия, вследствие которого он не осознаёт, чем *псевдоисторическое как бы научное знание* (т.е. официальный, а не народный исторический миф) отличается от научного знания Истории.

История во всей её полноте и детальности — совокупность биографий всех людей, когда-либо живших на Земле от момента появления в её биосфере биологического вида «Человек разумный».

Т.е. история как совокупность биографий всех людей — множество фактов и их взаимосвязей, поскольку восприятие жизни людьми носит дискретный характер. Понятно, что такая историческая наука в нынешней цивилизации невозможна. Объективная данность такова, что возможная для человечества и любого человеческого общества история — это некое подмножество *истории во всей её полноте и детальности в выше определённом смысле*: т.е. реально возможная историческая наука — это выборка фактов и их взаимосвязей из всего их полного множества.

В.О. Ключевский по этому поводу писал:

«Предмет истории — то в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неконченный процесс, как вечный закон. Изучая дедов, узнаём внуков, т.е., изучая предков, узнаём самих себя. Без знания истории мы должны признать¹ себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нём живём, как и к чему должны стремиться, механическими куклами, которые не рождаются, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то детскому капризу» (В.О. Ключевский. Сочинения в 9 томах. — Москва, «Мысль», 1990 г., т. 9, с. 375).

«Что значат все эти явления? Какой смысл в этом хаосе? Это задача истор[ического] изучения. Мы не можем идти ощупью в потёмках. Мы д[олжны] знать силу, которая направляет нашу частную и народную жизнь. (...)» (В.О. Ключевский, цит. изд., т. 9, с. 433).

Эти утверждения относятся к истории во всей её полноте и детальности, но они же определяют и требования к выборке фактов и их взаимосвязей, которые представляют собой версии истории, порождаемые различными школами исторической науки: *одна и та же алгоритмика развития, объективно наличествующая в жизни, должна быть узнаваема в адекватных жизни концепциях исторического прошлого, а её известность должна быть основой для предсказуемости будущего в его возможной многовариантности*.

Исторические факты при этом — всего лишь иллюстрации проявления алгоритмики как таковой. Т.е. алгоритмика может быть одна и та же (как в одном и том же обществе, так и в сопоставляемых друг с другом обществах), но иллюстрирующие её факты могут быть разными в произведениях разных историков; кроме того, детальность описания алгоритмики тоже может быть разной — в зависимости от задач, которые решает историк. Но алгоритмика реальной жизни в любом случае должна быть узнаваема. А для этого требуется личностная ориентация исследователя на восприятие истории не в аспекте выявления и регистрации множества разнородных фактов, а в аспекте выявления алгоритмики развития / деградации

¹ Над строкой: казаться. — Сноска в цитируемом источнике, поясняющая структуру текста рукописи В.О.Ключевского (наше пояснение при цитировании).

«Десталинизация»: мёртвые души за работой...

как таковой через факты², которые становятся известными из всего множества доступных исследователю источников.

И достаточно одного единственного факта, который «не лезет» в сконструированную историками концепцию исторического прошлого, чтобы признать эту концепцию исторически лживой.

А в концепцию «истории», которую «истинно русский патриот» М.С.Солонин выразил в словах: «Без оговорок, без экивоков («с одной стороны», «с другой стороны») безусловное признание Сталина создателем и главарем антинародной тоталитарной диктатуры. Диктатуры преступной, совершившей бесчисленные и ужасные по своей жестокости массовые преступления против русского народа, против других народов СССР, совершившей столь же жестокие преступления против народов других стран мира. Эти бесспорные, с точки зрения исторической науки, факты должны быть, наконец, на государственном уровне признаны» — много чего не лезет.

Так что, Марку Семёновичу можно дать совет: *Прежде, чем выносить приговор И.В.Сталину и сталинизму, пойми для начала всемирную историю последних хотя бы трёх тысячелетий и роль в ней своих соплеменников (если даже и не по плоти, то по духу) и их хозяев...* — Тогда и история эпохи «сталинизма» предстанет в ином свете¹.

Пока же можно констатировать, что научно-методологическая основа «десталинизации» неадекватна Жизни и потому «десталинизация» в виде, задуманном М.А.Федотовым, М.С.Солониным и прочая, прочая, прочая, — не состоится; и даже попытки её проведения вызовут последствия, — не только непредсказуемые для режима «великого комбинатора» с замашками «великого инквизитора», но и неприятные для него.

Внутренний Предиктор СССР
16 декабря 2010 г. — 7 января 2011 г.

² Именно так ставил задачу исторических исследований В.О.Ключевский, хотя пользовался иной терминологией:

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС. На научном языке слово *история* употребляется в двойном смысле: 1) как движение во времени, процесс, и 2) как познание процесса. Поэтому всё, что совершается во времени, имеет свою историю. Содержанием истории как отдельной науки, специальной отрасли научного знания служит *исторический процесс*, т.е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в её развитии и результатах. Человеческое общежитие — такой же факт мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы, и научное познание этого факта — такая же неустранимая потребность человеческого ума, как и изучение жизни этой природы. Человеческое общежитие выражается в разнообразных людских союзах, которые могут быть названы историческими телами и которые возникают, растут и размножаются, переходят один в другой и, наконец, разрушаются, — словом, рождаются, живут и умирают подобно органическим телам природы. Возникновение, рост и смена этих союзов со всеми условиями и последствиями их жизни и есть то, что мы называем *историческим процессом*» (В.О.Ключевский «Курс Русской истории», лекция первая, цитировано по изданию на компакт-диске «МЦФ», ИДДК Москва).

¹ См. работу ВП СССР «Иудин грех XX съезда».